

Горелько Валерия

Случайные
связи

Валерия Горелько

Случайные связи

<https://litres.ru/74402069>

SelfPub; 2026

Аннотация

Нью-Йорк в свете неона

Винсент - киллер, который хочет выйти из игры. Элис - его диспетчер, которая любит его по голосу и никогда не видела его лица. Энди - бывший пожарный, потерявший голос в дыму 11 сентября и разговаривающий с миром только через тишину.

Три одиночества. Один город. Одна ночь, которая всё изменит.

Дождь, неон, старые велосипеды, пейджеры, круглосуточные прачечные и пустые вокзалы. Здесь люди встречаются, чтобы расстаться, и расстаются, чтобы встретиться снова. Здесь даже у убийцы есть сердце, а у немого голос, который слышат только те, кто умеет слушать.

«Случайные связи» — это роман о тех, кто потерял себя в мегаполисе, но нашёл друг друга в его тёмных переулках. История о том, как важно молчать, чтобы быть услышанным, и как страшно говорить, чтобы не потерять единственное, что у тебя есть.

Валерия Горелько

Случайные связи

Глава 1. Нью-Йорк, 3:00 АМ1.

Нью-Йорк в три часа ночи - город без свидетелей.

На Таймс-сквер всё ещё горят экраны, и реклама «Кока-Колы» с высоты сорокового этажа кажется маяком для умирающих. Но внизу, на уровне человеческого роста, происходит совсем другое. Там, где мокрый асфальт отражает неон вывесок, город сбрасывает кожу. Он становится вязким, как сироп, и тягучим, как чужая тоска. В этом городе проще всего исчезнуть. И труднее всего быть найденным.

Винсент знал об этом лучше других.

Он стоял на крыше старого складского здания в Ред-Хук, Бруклин. Ветер дул с залива, пахло солью и мазутом. Где-то далеко гудел корабельный гудок: низкий, протяжный, похожий на предсмертный стон кита. Винсент курил сигарету без фильтра и смотрел на огни Манхэттена. Там, за рекой, горели миллионы окон, и в каждом из них, он знал, кто-то либо ссорился, либо занимался любовью, либо просто сидел в темноте и смотрел на такой же огонек напротив, понимая, что никогда не узнает человека, который смотрит оттуда.

Он докурил сигарету до половины и затушил её о подошву ботинка. Окурок полетел вниз, в темноту, и исчез, поглощенный чернотой переулка. Винсент поднял чёрный дипломат, стоявший у его ног, и проверил замки. Внутри лежал «Кольт 1911» с глушителем, три запасных магазина и пач-

ка наличных - пятнадцать тысяч зеленых. Через пятнадцать минут он должен был встретиться с человеком в синем плаще у входа в заброшенную рыбную фабрику.

Его пейджер на поясе завибрировал. Винсент достал его, посмотрел на экран. Одно слово: «СОК».

Он усмехнулся. Это была их игра с Элис. Ему нравилось думать, что она кодирует сообщения, но на самом деле она просто указывала ему, что в холодильнике в его съёмной квартире в Ист-Виллидж лежит банка апельсинового сока. Она оставляла ему продукты, чистила квартиру, меняла постельное белье и никогда, ни разу не была там, когда он приходил.

Винсент никогда не видел её лица. Он засунул пейджер обратно, поднял дипломат и начал спускаться по пожарной лестнице. Металлические ступени звенели под его ногами, и этот звук разносился по пустынным улицам, как эхо одинокого марша. Внизу его ждал старый «Шевроле-Малибу» темно-синего цвета. Он не заводил двигатель, а просто катился вниз по инерции, чтобы не привлекать внимания. Улицы Ред-Хук были пусты, лишь редкие фонари тускло освещали брошенные грузовики и контейнеры.

Он доехал до фабрики за три минуты. Припарковался в ста метрах, заглушил мотор и сидел, слушая, как остывает двигатель. Тиканье часов на приборной панели отмеряло секунды до встречи. Винсент смотрел на вход в здание: массивные металлические двери, сорванные петли, вывеска «Fresh

Atlantic Fish Co.» давно выцвела и почти стерлась. Человек в синем плаще появился из переулка в 3:27. Он шёл быстрой, нервной походкой, то и дело оглядываясь. Крупный, лысый, с дурацкими золотыми цепями на шее. Винсент узнал его - Билли «Толстяк» Грассо. Мелкий торговец информацией, который слишком любил деньги и слишком мало уважал чужие секреты. Грассо продал информацию о перемещениях груза китайской триады, и теперь триада хотела его головы. Поэтому Винсент был здесь. Клиент заплатил хорошие деньги, чтобы голова Грассо перестала принадлежать кому-либо вообще.

Винсент вышел из машины. Он не побежал, не ускорил шаг. Он просто шёл в своём обычном темпе - размеренно, спокойно, так, как ходят люди, которым некуда спешить, потому что всё, что им нужно, уже ждёт их в конце пути. Грассо заметил его за десять метров. Он остановился, выдохнул с облегчением, вытер пот с лысины.

- Боже, Винсент, я так рад тебя видеть. Ты не поверишь, что творится. Эти ублюдки из Фукина знают, где я живу. Они вломились ко мне вчера, перевернули всё вверх дном. Я убежал через чёрный ход, но они нашли мою мать, Винсент. Они угрожают ей, понимаешь?

Винсент остановился в трёх метрах. Он поставил дипломат на асфальт и расстегнул верхнюю пуговицу пальто.

- Ты принёс то, что я просил? - спросил Винсент. Голос был низким, хриловатым, как будто он курил всю жизнь -

что, в общем-то, было правдой.

Грассо торопливо закивал и полез во внутренний карман. Он достал конверт из плотной коричневой бумаги.

- Всё здесь. Имена, адреса, точки слива. Всё, что я знаю о сделке на следующей неделе. Там даже пароли от их системы безопасности. Ты только представь, сколько это стоит, Винсент. Я мог бы продать это кому-то ещё за двойную цену, но я выбрал тебя. Потому что ты - профессионал. Ты ...

- Ты выбрал меня, - перебил Винсент, - потому что я единственный, кто согласился взять плату вперёд и не потребовал твоего первенца в залог.

Грассо нервно засмеялся. Смех был высоким, визгливым, несовместимым с его габаритами.

- Да, да, ты всегда умел пошутить, Винсент. Ты ...

Он не договорил.

Винсент выхватил пистолет из дипломата одним быстрым, почти неуловимым движением. Второй рукой он схватил Грассо за воротник плаща и притянул к себе, закрывая своим телом обзор с соседних крыш. Глушитель упёрся в подбородок Грассо, там, где кожа переходит в мягкую плоть под челюстью.

- Скажи «спокойной ночи», Билли.

- Нет, нет, Винсент, пожалуйста, я заплачу тебе в два раза больше, я умоляю, у меня есть дети, ты не понимаешь, они ...

Винсент нажал на спуск.

Звук был приглушённым: сухой хлопок, похожий на то,

как если бы кто-то захлопнул тяжелую книгу. Грассо дёрнулся, глаза на секунду расширились от удивления, как будто он до последнего момента верил, что его пощадят. Тело бесшумно осело на асфальт, синий плащ расплылся тёмным пятном под тусклым светом фонаря. Винсент вытер пистолет о пиджак Грассо, убрал его в дипломат, взял конверт с информацией и быстро, но без суеты пошёл обратно к машине. И не оглядывался.

Через десять минут он был на Бруклин-Бридж. Он ехал медленно, почти без скорости, и смотрел на воду. Река отражала огни города, и казалось, что он плывёт по реке из расплавленного золота. В зеркале заднего вида отражались фары одинокого такси, которое везло какого-то запоздалого пассажира домой. Винсент проводил его взглядом, пока машина не скрылась за поворотом. Потом достал старый, неуклюжий «Моторола», который покупал на углу в Чайна-тауне за наличные и набрал номер, который знал наизусть.

Гудок. Второй. Третий.

- Алло? - женский голос. Спокойный, почти безразличный.

- Клиент обслужен, - сказал Винсент. - Оплата получена.

- Сок в холодильнике, - ответила она. - Вторая полка. Я купила тот, с мягкостью. Ты говорил, что любишь с мягкостью.

- Я не помню, чтобы я это говорил.

- Ты не помнишь многих вещей, которые говоришь. Это нормально. В твоей работе память - роскошь.

В трубке повисла пауза. Винсент слышал её ровное, глубокое дыхание, как у человека, который может спать с открытыми глазами.

- Что ты делаешь? - спросил он вдруг. Ему самому не понравился этот вопрос, он сорвался с языка прежде, чем он успел его остановить.

- Я сижу на подоконнике, - ответила она. - Тридцать седьмой этаж. Вид на Центральный парк. В парке горит только один фонарь. Я смотрю на него и думаю о том, как странно устроены люди. Пятнадцать миллионов человек вокруг, и все спят, а я смотрю на одинокий фонарь. Иногда мне кажется, что это я и есть тот фонарь.

- Ты слишком много думаешь.

- А ты слишком мало чувствуешь, - парировала она. - Это делает нас идеальной парой.

Она не сказала «идеальными партнёрами». Она сказала «идеальной парой». И это слово зависло в воздухе между ними, как дым, который невозможно развеять руками.

- Пока, - сказал Винсент и отключился.

Он не хотел говорить «пока». Он хотел сказать что-то другое, хотел спросить, как она выглядит, какой у неё цвет волос, пьёт ли она кофе по утрам или предпочитает чай, плачет ли она над глупыми фильмами или смеётся над трагедиями. Он хотел узнать её настоящую, не ту, что оставалась в сообщениях на автоответчике и на пейджере, а ту, что сидит на подоконнике тридцать седьмого этажа и смотрит на оди-

нокий фонарь.

Но он не спросил. Потому что знал: если он это сделает, она станет реальной. А реальные люди - это люди, которых можно потерять.

Винсент не мог позволить себе терять ещё кого-то.

2.

Элис положила трубку и продолжила смотреть на фонарь. Она сидела на широком деревянном подоконнике в своей квартире на Манхэттене. Квартира была дорогая, просторная, с видами, за которые большинство людей отдало бы почку. Но Элис не платила за неё: квартиру снимала организация, а организация не скупилась на комфорт своих операторов. На самом деле, она была больше похожа на тюрьму с хорошими обоями, чем на дом. Чистые белые стены, минимум мебели, только самое необходимое: кровать, стол, несколько книг на полке и огромный холодильник, который всегда был набит едой, потому что Винсент никогда не следил за тем, что он ест. Она делала это за него.

Элис вздохнула и спрыгнула с подоконника. На ней была длинная белая футболка и старые джинсы. Волосы тёмные, почти чёрные были собраны в небрежный пучок на затылке. Она подошла к столу, на котором стоял стационарный телефон и факс, и посмотрела на часы: 4:02 утра.

Она знала, что не уснёт. Она никогда не спала после того, как он выходил на работу. Каждый вызов ожидался как приговор: вдруг на этот раз он не ответит, вдруг на этот раз в трубке будет не его спокойный голос, а голос полицейского или врача или ничей голос, а просто гудок, который будет звенеть вечно.

Элис подошла к холодильнику, открыла дверцу и взяла банку апельсинового сока. Она не была уверена, действительно ли Винсент любил сок с мякотью, или он просто однажды сказал это, чтобы она отстала от него с вопросами о еде. Но она запомнила эту фразу, как и сотни других. У неё была тетрадь, которую она держала в ящике стола, там, где никто никогда не искал. В этой тетради она записывала всё, что он когда-либо говорил ей. «Не ходи в тот кофешоп, у них отвратительные круассаны». «Мой отец был водопроводчиком. Я ненавижу запах ржавых труб». «Если я когда-нибудь исчезну, проверь заброшенный вокзал в Кони-Айленде».

Она записывала всё. Потому что эти слова были единственным, что у неё было. Элис села за стол и взяла ручку. Она перелистнула тетрадь на чистую страницу и написала:

4:04 утра. Позвонил после работы. Сказал, что клиент обслужен. Голос спокойный. Похоже, не ранен. Спросил, что я делаю. Это в первый раз, когда он спросил, что я делаю. Раньше он просто говорил о работе и вешал трубку. Я не знаю, что это значит. Может быть, он начинает уставать. Может быть, он начинает скучать по мне. Или, может быть, он просто был вежлив.

Она поставила точку и посмотрела на написанное. Ей стало стыдно. Она звучала как подросток, который ведёт дневник о своей первой любви. Но Элис не была подростком. Ей было тридцать два года, она убивала людей по работе, и у неё было два высших образования. И всё это не имело никакого

значения, когда она думала о Винсенте.

Элис захлопнула тетрадь и убрала её в ящик. Потом встала, подошла к окну и снова посмотрела на фонарь. В парке было тихо. Только одна машина проехала по Сентрал-Парк-Саут, и её фары на секунду осветили деревья, а потом погасли, и всё снова погрузилось в полумрак.

Она набрала номер на стационарном телефоне. На другом конце гудок, второй, третий.

- Алло, - сонный голос. Мужской.

- Только что вернулся, - сказала Элис. - Всё чисто.

- Понял, - ответил мужской голос. - Завтра в пять вечера в обычном месте. Там будет новый заказ.

- Кто объект?

- Тебе не нужно знать. Твоя работа - координация, а не сбор информации. Сделай так, чтобы он получил папку в семь вечера, и всё.

- Я поняла, - сказала Элис и положила трубку.

Она ненавидела эти разговоры. Но она делала их, потому что Винсент был в этом бизнесе, и если она хотела быть рядом с ним, даже если рядом означало только телефонную связь, она должна была оставаться в этом мире.

Элис легла на диван и закрыла глаза. Она решила не спать, а просто лежать, слушая, как тикают часы на стене, и представляя, что Винсент сейчас тоже лежит в своей квартире в Ист-Виллидж и слушает тишину. Может быть, он тоже думает о ней. А может быть, он думает о завтрашней работе.

Она не знала, что хуже.3.

Энди не спал уже сорок семь часов.

Он сидел на заднем крыльце своей квартиры в Бушвике, Бруклин, и смотрел на пустой двор. За забором горел красный неон вывески китайской закуской «Золотой Дракон», и свет падал на мокрый бетон, окрашивая лужи в цвет крови. Энди курил сигарету и слушал звуки города: далёкий гудок поезда, шум кондиционера в соседнем окне, чей-то плач, женщина на втором этаже ругалась с мужем, который снова пришёл пьяным. Энди не понимал слов, но он слышал интонации. Он слышал усталость, отчаяние и тупую боль, которую невозможно заглушить даже самым громким криком.

Он не мог говорить. Это не было физической проблемой — его голосовые связки были целы, и врачи в госпитале Святого Винсента несколько раз говорили ему, что он «может заговорить в любой момент, как только будет готов». Но он не был готов. Он не был готов уже три года. Энди затянулся сигаретой и выпустил дым через нос. В дыме он видел лица людей, которых он не смог спасти. Он был пожарным в Бронксе. Четырнадцать лет. Он вытаскивал людей из горящих зданий, нырял в дым, когда другие боялись, и он никогда не думал, что страх может быть его спутником. До того дня.

Он закрыл глаза, и перед ним снова всплыла картина: одиннадцатое сентября, вторая башня. Он не был в башнях, он был на соседней улице, но он видел, как они падают, слы-

шал звук похожий на вой раненого зверя, и тысячи голосов, кричащих одновременно. Он бежал туда, хотя его приказ был отступить. Он бежал, потому что там были люди, вбежал в облако пыли, и этот запах бетона, стали и горячей крови впитался в его лёгкие навсегда.

Он вытащил четырёх человек. Но он не вытащил своего напарника. Майк сидел на втором этаже здания, которое начинало трещать, и кричал ему: «Энди, сюда! Помоги мне!», но Энди не мог добраться до него. Рухнула балка, и проход завалило. Он слышал голос Майка ещё несколько минут, а потом голос затих. И Энди стоял в пыли, сжимая в руках свой топор, и кричал. Он кричал так громко, что голос сломался.

Он не произнёс ни слова с того дня.

Энди докурил сигарету, затушил её о перила крыльца и встал. Он был высоким, худым, с тёмными кругами под глазами, которые не проходили даже после сна. Но в этот раз он не спал сорок семь часов: во сне он снова слышит голос Майка. Поэтому он предпочитал бодрствовать. Он ездил на велосипеде по ночному городу, развозя пиццу в термосумке, которую носил всегда. Ему казалось, что это даёт ему цель. Даже если это была глупая цель, вроде доставки еды людям, которые не заслуживали его внимания.

Он зашёл в квартиру, взял термосумку, пристегнул её к багажнику старого велосипеда, и выехал на улицу. Время было 4:30 утра. Сначала он планировал просто покататься, но

потом увидел свет в окне круглосуточной прачечной «Элис & Сыновья» (смешное название, он всегда улыбался, когда проезжал мимо), и решил заглянуть.

В прачечной было пусто. Только старый пуэрториканец дон Хосе за стойкой, который работал здесь уже двадцать лет и спал с открытыми глазами. Энди тихо вошёл, поставил свою термосумку на пол и начал медленно ходить между рядами стиральных машин. Ему нравился этот звук: монотонный гул, похожий на гул космического корабля. Иногда он представлял, что он астронавт, и его везут на другую планету, где нет дыма и где люди не кричат от боли.

Дон Хосе проснулся и приоткрыл один глаз.

- Эй, Энди, - сказал он хриплым голосом. - Опять ты. Чего на этот раз? Снова будешь заставлять несчастных стирать их грязное бельё? Я же говорил тебе: ты можешь пугать моих клиентов.

Энди ничего не ответил. Он просто улыбнулся, подошёл к стойке и достал из кармана старый диктофон. Он нажал на кнопку записи и поднес его к лицу дона Хосе.

- Нет, нет, пожалуйста, только не это, - замахал руками дон Хосе. - В прошлый раз ты записал моё пение, и я чуть не разорился. Весь район решил, что я стал маньяком.

Энди пожал плечами и убрал диктофон. Он взял ручку и написал на клочке бумаги: «Я пришёл не за тобой. Я жду его».

Дон Хосе нахмурился:

- Кого?

Энди написал: «Парня с очками. Толстого. Он всегда приходит сюда в это время курить. Я хочу, чтобы он постирал свою рубашку».

Дон Хосе покачал головой, но ничего не сказал. Он уже привык к странностям Энди. Весь район привык к нему. Этого молчаливого парня на велосипеде, который появлялся в три ночи и заставлял людей делать странные вещи. Никто не знал его настоящей истории, но все знали, что если он кивает тебе, то с тобой всё будет хорошо. Его глаза говорили больше, чем он сам мог бы сказать.

Ровно в 4:40 в дверях прачечной появился парень в очках. Толстый, с бледной кожей и вечно испуганным взглядом. Он работал ночным сторожем в соседнем супермаркете и каждую смену делал перерыв в прачечной, чтобы покурить тайком от начальства.

Энди встал и направился к нему.

Парень увидел его и вздрогнул:

- Опять ты. Что тебе надо? Я уже тебе говорил, у меня нет денег.

Энди покачал головой. Он указал на рубашку парня - грязную, с большим пятном от соуса на груди. Потом написал на бумажке: «Твоя рубашка. Она выглядит дурно с пятном. Постирай её!».

Парень нервно засмеялся:

- Ты ненормальный. Это просто пятно. Я ношу её уже

неделю.

Энди нахмурился. Он посмотрел парню прямо в глаза своим взглядом, который видел дым и смерть, и парень вдруг побледнел.

- Ладно, ладно, - сказал он, дрожащим голосом. - Я постираю её, только отстань от меня, псих.

Он снял рубашку и кинул её в ближайшую стиральную машину. Энди достал монету и опустил её в приёмник. Машина загудела, и вода начала заполнять барабан. Парень стоял в одной майке, обхватив себя руками, и выглядел несчастным. Энди кивнул ему, как бы говоря: «Всё будет хорошо».

Он вышел на улицу, сел на велосипед и покатыл прочь. Ветер дул в лицо, и он чувствовал себя почти свободным. Он проехал мимо «Золотого Дракона», мимо тёмных витрин закрытых магазинов, мимо людей, которые возвращались домой после ночной смены - уставшие, с пустыми глазами. Он был как призрак среди них: он видел их, но они не видели его.

Энди остановился на углу 5-й авеню и 9-й улицы. Он смотрел на старое, обшарпанное здание отеля «Голливуд» с неонном, где половина букв не горела. Там, в номере 211, работал его отец, он был ночным портье. Энди иногда приезжал сюда просто чтобы посмотреть на свет в окне второго этажа и убедиться, что отец ещё жив.

Он никогда не заходил внутрь, не мог говорить, а отец не знал языка жестов. Они общались через записки, но Энди

ненавидел записки. В записках нельзя было передать тепло. Они казались холодными и официальными, как деловые документы.

Он посидел на велосипеде несколько минут, глядя на отель, потом развернулся и поехал дальше. Время приближалось к пяти утра. Город начинал просыпаться. Где-то зазвенел первый трамвай, и по пустым улицам пронеслась первая машина доставки. Энди любил этот момент: переход от ночи к утру, когда тишина сменяется шумом, и город медленно открывает глаза. В этот момент всё казалось возможным. Даже надежда на то, что однажды он сможет заговорить.

Он доехал до набережной и остановился у перил. Смотрел на реку. На той стороне горели окна Манхэттена. Какое-то окно горело ярче других, и Энди вдруг подумал: там, на тридцать седьмом этаже, возможно, сидит женщина, которая тоже не может спать. Она смотрит на фонарь в парке, а он смотрит на её окно, и они даже не знают о существовании друг друга. Но в каком-то смысле они уже связаны. Связаны одной тишиной, одним ночным городом, одной невысказанной тоской.

Он улыбнулся этой мысли и покатил дальше.

4.

Утром в городе пахло дождём.

Дождь прошёл в пять часов, когда Винсент уже спал, но он чувствовал его запах через открытое окно своей квартиры. Квартира была маленькой, тесной, с низким потолком. Он снимал её уже три года, и за это время не добавил ни одной личной вещи. Мебель была старой, выцветшей, купленной вместе с квартирой. На стенах никаких фотографий или постеров, только серые обои, которые отслаивались от влажности. В углу стоял дипломат. Под кроватью лежала коробка с документами и запасными магазинами. В холодильнике - банка апельсинового сока на второй полке.

Винсент открыл глаза ровно в одиннадцать. Он не пользовался будильником: его тело просыпалось в одно и то же время каждый день, как у солдата в казарме. Он сел на кровати, потянулся, несколько раз моргнул. Голова была чистой. Никаких снов. Он не видел снов уже много лет, и это пугало его больше, чем любой кошмар.

Он встал, прошёл на маленькую кухню и открыл холодильник. Достал банку сока, сделал глоток. Вкус был кислотным, но он ему нравился. Он не был уверен, почему он сказал Элис, что любит сок с мякотью, казалось, это была просто фраза, сказанная без всякого смысла. Но она запомнила её. Она запоминала всё. Иногда он задавался вопросом:

зачем она это делает? Зачем ей знать, какой сок он любит, если они никогда не встретятся?

Он знал ответ. Потому что она была одинока. Так же, как и он.

Винсент поставил банку на стол и подошёл к пейджеру. На экране было новое сообщение: «Встреча в 17:00 в кафе «Вестсайд», и адрес. Он вздохнул. Работа. Всегда работа.

Он принял душ, побрился, надел чёрную водолазку и чёрное пальто. Это была его униформа не для того, чтобы сливаться с толпой, а для того, чтобы не выделяться. В Нью-Йорке чёрное носят все. Он был просто частью пейзажа. Выйдя из дома в 16:30, он направился в метро. Вагон был почти пустым, только пара пассажиров, и один из них бледный парень с глазами, обведенными красными кругами, похожий на наркомана. Винсент сел напротив него и спокойно смотрел в газету, которую подобрал на платформе. Он читал объявление о продаже велосипеда, и внезапно вспомнил, что вчера ночью видел кого-то на велосипеде в Бруклине. Он видел это краем глаза, когда уезжал с места встречи с Грассо. Какой-то парень с термосумкой, который ехал слишком медленно для доставщика. Винсент тогда подумал: «Ему бы больше спать, чем кататься по ночам».

Кафе «Вестсайд» находилось в Челси. Маленькое, уютное место с зелёными стенами и старыми столиками, на которых были выцарапаны имена влюблённых. Винсент сел у окна и заказал чёрный кофе. Он ждал. Через десять минут во-

шёл человек. Коротко стриженный, в костюме, с язвительной улыбкой. Это был Марк - посредник, который передавал Винсенту заказы. Они никогда не называли имён друг друга, но Винсент знал его лицо. Марк сел напротив и положил на стол конверт.

- У тебя было очень продуктивное утро, - сказал Марк с той же язвительной улыбкой. - Я слышал, что Грассо больше не будет беспокоить никого из нас.

- У тебя хорошие источники, - ответил Винсент, не взяв конверт. - Что там?

- Информация о новом объекте. Не торопись, там всё подробно описано. Время, место, фотография. Объект - торговец наркотиками из Байонн, ездит на чёрном «Линкольне». Он должен быть на складе в Сансет-Парк завтра ночью. Твоя задача - устранить его до того, как он встретится с покупателем.

Винсент кивнул. Он взял конверт и положил его во внутренний карман.

- Оплата?

- Половина на твой счёт сегодня вечером. Остальное после работы.

- У меня есть условия, - сказал Винсент. - Я хочу выйти из дела. Я устал. Найди мне что-то другое: я могу быть телохранителем, консультантом, хоть продавцом хот-догов, - только не это больше.

Марк удивлённо поднял брови:

- Ты серьёзно?

- Я никогда не был серьёзнее.

- Винсент, ты лучший в этом городе. Если ты уйдёшь, я потеряю половину своих доходов.

- Ты потеряешь не половину, а всего лишь одного киллера. Их полно вокруг.

- Ты - профессионал: никогда не оставляешь следов, работаешь как швейцарские часы. Искать кого-то - терять деньги и время.

Винсент ничего не ответил. Он допил кофе, поставил чашку на стол и встал.

- Завтра, - сказал он. - После завтрашней работы я уйду. Найди мне что-то легальное. Или просто исчезни из моей жизни.

Он вышел из кафе, и холодный ветер ударил ему в лицо. Он не чувствовал облегчения от этих слов, внутри был страх. Впервые за много лет он боялся будущего, которое было неизвестно. В этом бизнесе он знал всё: когда, где, как и сколько. А за его пределами был просто хаос.

Он шёл по улице, и его мысли были заняты только одним вопросом: что скажет Элис?

Элис сидела в своей квартире и смотрела на закат. Небо было оранжевым, похожим на дым от пожаров, которые она никогда не видела, но представляла. Она ждала звонка от Винсента. Он должен был сообщить ей о новой работе. Когда он не позвонил в обычное время, она начала волноваться.

Телефон зазвонил ровно в 17:15.

- Алло, сказала она.

- Это я, - его голос звучал иначе, более напряжённо, чем обычно. - У меня есть разговор к тебе. Встретимся в семь у «Метрополитен-Музея». Только один раз. Я хочу тебя увидеть.

Элис замерла. Её сердце пропустило удар.

- Что? - спросила она тихо. - Я не могу. Мы никогда не договаривались о встречах.

- Сегодня встречаемся. Приходи. Я буду ждать.

Он положил трубку, и Элис осталась сидеть с телефоном у уха, слушая гудки. Она не знала, что думать. Это было нарушение всех правил. Всех протоколов. Ни один оператор никогда не встречался со своим киллером. Это было табу.

Но она хотела этого. Она хотела этого так сильно, что дрожала от предвкушения.

Винсент стоял у фонтана перед музеем в 18:45. Он ждал. Уже начало темнеть, фонари включались один за другим, освещая ступени и мокрые листья на асфальте. Он не знал, как она выглядит. Он представлял её множество раз: высокой, стройной, с тёмными волосами и печальными глазами. Это была глупость — представлять человека, которого ты никогда не видел. Но он не мог остановиться.

В 19:00 он увидел её.

Она была невысокой, с тёмными волосами, собранными в хвост, одетая в тёмное пальто. Она шла медленно, как буд-

то каждое движение было для неё наказанием, и когда она остановилась в двух метрах от него, она подняла на него свои глаза - карие, с тёмными кругами.

- Ты Винсент? - спросила она. Голос был тем же, что он слышал по телефону. Спокойным и холодным, но на этот раз в нём была дрожь.

- Я, - ответил он.

Они стояли и смотрели друг на друга. Около минуты они ничего не говорили. Слышно было только шум далёкой улицы и звук фонтана.

- Я думала, ты будешь выше, - сказала она наконец.

- Я думал, ты будешь более приветливой, - усмехнулся он.

Элис улыбнулась, но улыбка не дошла до глаз.

- Почему ты попросил меня о встрече? - спросила она. - Ты знаешь, что нам это не разрешено.

- Я знаю, - ответил Винсент. - Но я заканчиваю. Я хочу уйти из этого бизнеса. После завтрашней работы я стану другим человеком. Но сначала я должен был увидеть тебя. Один раз.

Элис закрыла глаза на мгновение, как будто впитывала эту информацию. Она была не удивлена, скорее испугана. Она боялась, что потеряет его. Что они никогда больше не услышат голоса друг друга.

- Я не могу бросить всё, - сказала она наконец. - У меня есть обязательства.

Она взяла его руку и сжала. Она была тёплой, несмотря

на холодный ветер.

- Если ты уйдёшь, я найду способ быть с тобой, - сказала она.

Винсент не знал, что ответить. Ему хотелось сказать «спасибо», или «прощай», или «ты мне нужна». Но он ничего не сказал. Он просто стоял и смотрел в её глаза, пока их не разлучил звук полицейской сирены где-то вдалеке.

Элис отпустила его руку и сделала шаг назад.

- Мне нужно уходить, - сказала она. - Прощай.

Она повернулась и быстро пошла прочь.

А Винсент остался стоять у фонтана, чувствуя, как в груди разливается странное тепло, и думая о том, что эта встреча была, возможно, самой важной в его жизни.

5.

Энди вернулся домой только в семь утра. Он был на ногах больше суток, но усталость не приходила. Она была его постоянной спутницей, и он привык к ней, как привыкают к шуму поезда под окном. Он открыл дверь своей квартиры, снял куртку, повесил её на спинку стула и сел на продавленный диван.

В комнате было темно. Только свет уличного фонаря пробивался сквозь грязное окно, рисуя на стене длинную жёлтую полосу. Энди смотрел на эту полосу и думал о том, что видел сегодня ночью. Тот парень на Бруклин-Бридж. Он проезжал мимо него на велосипеде, когда тот стоял у перил и смотрел на воду. Парень был в чёрном пальто, с дипломатом в руке, и выглядел так, будто только что похоронил кого-то. Энди тогда подумал: «Ты тоже не спишь. Ты тоже не можешь забыть то, что видел».

Он закрыл глаза и попытался вспомнить лицо того парня. Но запомнилась только фигура: чёрная, одинокая, неподвижная, как статуя на мосту. Это был человек, который нёс в себе ту же тяжесть, что и Энди. Он это чувствовал. Странная связь между двумя незнакомцами в три часа ночи.

Энди открыл глаза. Он подошёл к столу, взял блокнот и ручку. Написал:

«Парень в чёрном на Бруклин-Бридж. 3:30 ночи. Я про-

ехал мимо него. Он смотрел на воду. Я хотел остановиться, но не остановился. Наверное, я трус».

Он посмотрел на написанное, потом разорвал лист на мелкие кусочки и выбросил в мусорное ведро. Он всегда так делал. Записывал мысли, которые не мог произнести, а потом уничтожал их. Это помогало ему чувствовать, что он хотя бы пытается говорить, даже если никто не слышит.

Энди лёг на диван, накрылся старым шерстяным пледом и закрыл глаза. Он не спал, но позволил себе просто лежать в темноте, слушая, как где-то за стеной плачет ребёнок, а на улице проезжает грузовик с продуктами. Город просыпался. Его ритм менялся от медленного, тягучего ночного пульса к быстрому, нервному дневному биению. И в этом переходе было что-то успокаивающее.

Энди наконец провалился в сон, но спал он недолго: всего несколько часов до одиннадцати утра.

Он встал, умылся холодной водой, надел куртку и вышел на улицу. Солнце светило ярко, но в воздухе уже чувствовалась влажность - к вечеру снова пойдёт дождь. Энди сел на велосипед и поехал в сторону Бушвика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.